

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

В.Я. Белокреницкий*

ПАКИСТАН: СУДЬБА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье прослеживается эволюция пакистанского государства, находящегося на стыке нескольких геополитических регионов, от постколониального к идеологическому, исламскому, отягощенному коррупционно-расхитительским комплексом. Острота и разнообразие социальных разломов, а также неблагоприятная региональная ситуация делают туманными перспективы трансформации государства в более эффективное, функциональное.

Ключевые слова: Пакистан, исламское государство, расхитительство, религиозный экстремизм, корпоративные интересы.

The article examines the evolution of the Pakistani state at the junction of several geopolitical regions from postcolonial to ideological, Islamic, overburdened with corruption and predatory practices. Sharp and composite social fissures along with an unfavorable international situation in the region doom the prospects for the transformation of Pakistan into a more efficient and functional state.

Keywords: Pakistan, Islamic state, predatorism, religious extremism, corporate interests.

Судьба Пакистана привлекает сегодня повышенное внимание. Это одно из крупнейших по численности населения государств, в котором проживают более 175 млн. человек. Занимая по демографическому показателю 6-е место в мире, страна к 2020 г. должна перейти на 5-е, а затем и 4-е — после Китая, Индии и США. В то же время быстро растущее население «умещается» на площади всего 800 тыс. км². В отличие от Индии, где обрабатываемая земля превышает 60% общей территории, в Пакистане горы и пустыни оставляют пригодными для земледелия лишь 35% площади. По доле пахотной земли Пакистан немного уступает даже соседнему Ирану (37%) с его 70 млн жителей [20, p. 109, 111, 168]. Кроме того, все более сказывается нехватка воды для искусственного ороше-

* Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, д.и.н., профессор, заместитель директора Института востоковедения РАН, профессор МГИМО (У) МИД РФ (e-mail: enitsky@yandex.ru).

ния, от которого зависит 80% урожая. В расчете на душу населения объем пресноводных ресурсов в годовом исчислении за последние 50 лет сократился в пять раз, уже сегодня приблизившись к критическому уровню в 1000 м³ [11, р. 55].

Эта тревожная ситуация усугубляется другими, более важными, факторами — неустойчивостью внутривосточной обстановки, отсутствием глубоких исторических традиций и расположением на стыке трех современных геополитических регионов — Южной, Центральной и Западной Азии. Пакистан давно уже находится в непосредственном и тесном контакте с одной из главных болевых точек мира — Афганистаном — и сталкивается с серьезным вызовом со стороны крайних исламистских сил. Ассоциируемые с Пакистаном проблемы безопасности осложняются из-за того, что он обладает прошедшим испытания ядерным оружием и ракетными средствами его доставки. Через эту страну пролегают пути транспортировки наркотиков из Афганистана, где производится сегодня свыше 90% мирового героина.

Находясь как государство в эпицентре борьбы с международным терроризмом, Пакистан сам является почвой, на которой процветает питающий эти движения религиозный экстремизм. На протяжении последних 2—3 лет страна пребывает в состоянии острого внутривосточного кризиса, осложняемого ситуацией в экономической области и в сфере безопасности. Особенно тяжелым выглядит положение на северо-западе страны — горном массиве на границе с Афганистаном, где государственная власть временами теряет контроль и вынуждена восстанавливать его с помощью армии.

Вместе с тем Пакистан далеко не обделен ни природными ресурсами, ни накопленными богатствами, ни современной научно-технической базой. По уровню душевого дохода Пакистан в несколько раз превосходит соседний Афганистан, а также такие государства Южной Азии, как Непал и Бутан, и лишь немного уступает Индии. Достаточно заметен прогресс страны и в политико-культурной области, но противоречия и конфликты раздирают общество, делая его неуверенным в себе, склонным к фатализму и саморефлексии.

Оттого так остро стоит в случае с Пакистаном вопрос, считать ли его провальным, несостоявшимся государством (failed state) или оно все-таки «состоялось», будет развиваться и впредь, превратившись в одно из крупных не только по численности населения, но и по агрегатным экономическим показателям и весу в региональной и мировой политике. Наиболее опасный вариант его эволюции — превращение в оплот джихадизма и очаг его распространения по всему исламскому Востоку.

От постколониального государства к идеологическому

Пакистан поначалу был типичен для новых государств, возникших после окончания Второй мировой войны в результате освобождения от зависимости классического для колониализма заморского (территориально дезинтегрированного) образца. Главными виновниками его появления на «политический свет» можно считать три фактора — социальный, политический и личностный, а именно: обострение коммуналистских антагонизмов в Британской Индии в период между мировыми войнами XX века; усиление взаимной отчужденности политических элит из разных религиозных общин накануне, во время и после окончания Второй мировой войны; твердость характера и политическая энергия лидера индийских мусульман Мухаммада Али Джинны [см.: 6; 32].

Страна, как принято утверждать, была образована по конфессиональному признаку, однако идея М. Джинны не состояла в создании исламского государства. Секулярист и англофил, только ближе к концу жизни ощутивший всю значимость принадлежности к общности мусульман, «отец-основатель» нового государства ставил перед собой иную задачу — защитить мусульман Индии, менее сильную часть ее населения, от неминуемого, как он считал, после ухода англичан притеснения со стороны более искушенных и богатых индусов и сикхов.

Пакистанский доминион, образованный в 1947 г. как единство двух территорий к западу и востоку от Индии, сначала не отличался от нее по характеру и принципам государственного устройства. Обе страны унаследовали основные черты колониальной политико-юридической системы и приступили к постепенному ее преобразованию.

В принятой Учредительным собранием в 1949 г. (уже после смерти М. Джинны 11 сентября 1948 г.) «Резолюции о целях», ставшей декларацией об основах конституционного устройства, было зафиксировано особое представление мусульман о характере государства, прописан постулат о зависимости власти от воли Аллаха. Исламские положения остро критиковались членами собрания из числа немусульман, представлявшими главным образом «восточное крыло» государства, и послужили первым шагом на пути превращения его в религиозно-идеологическое [5, с. 69—71]¹. Этому способствовал также отъезд значительной части богатых, влиятельных и образованных индусов из пакистанской Восточной Бен-

¹ Понятие идеологического государства, применяемое ныне в отношении Пакистана [16], перекликается с концепцией французского философа-неомарксиста Л. Альюссера об идеологических государственных органах в их отличии от собственно репрессивных в условиях классового, буржуазного строя [7].

галии. Представительство немусульман в законодательных органах Пакистана заметно сократилось, что облегчило появление в 1953 г. в ходе обсуждения проекта конституции и нового названия страны — Исламская Республика [1, с. 111].

Принятая в 1956 г. Конституция не только провозглашала создание исламской по названию республики (впервые в мировой истории), но и содержала ряд законодательных установлений, ставивших мусульман в особое, политически привилегированное положение. Только мусульманин, в частности, мог занимать пост президента, важной целью внешней политики провозглашалось содействие единству мусульманских стран, государству вменялось в обязанность способствовать религиозному образованию мусульман и отправлению ими религиозного культа. По мнению Ю.В. Ганковского и В.Н. Москаленко, все это, по сути, превращало ислам в государственную религию несмотря на провозглашенную в Конституции свободу вероисповедания [3, с. 30—31].

Распространенность религиозных представлений в большинстве регионов мира после Второй мировой войны уменьшилась. В Пакистане это особенно проявилось после военного переворота 1958 г. Прозападный режим во главе с президентом М. Айюб Ханом отличался заметным либерализмом в религиозных вопросах. В 1961 г. президент издал указ, предоставивший женщинам более широкие права в делах о наследовании и разводе, в 1962 г. была принята новая Конституция.

По мнению ряда современных авторов, режим М. Айюб Хана был светским в расчете на внешних покровителей [15, р. 16], но нуждался в исламской идеологии, поскольку слишком далеки были друг от друга по самоидентификации жители двух частей страны. Велико было к тому же давление религиозных кругов. Не случайно собравшийся на первую сессию парламент незамедлительно принял решение о возвращении государству его прежнего названия Исламская Республика Пакистан [1, с. 218].

Произошедшее в конце 1971 г. отделение восточной части страны от западной усилило в Пакистане позиции исламских традиционалистов, чему способствовал также начавшийся подъем мирового религиозного самосознания, охвативший в первую очередь исламский ареал. Немалую роль в этом сыграло, как известно, резкое увеличение нефтяной ренты, получаемой монархиями Персидского залива, в первую очередь Саудовской Аравией. Ориентация на них стала естественной для Пакистана, чье геополитическое положение после отделения Бангладеш существенно изменилось — из страны, замкнутой на регион Южной Азии, он превратился в геополитически открытую, «стыковую».

Первые шаги к преобразованию Пакистана в исламское государство были сделаны в 1970-х гг. при таком, казалось бы, светском правителе, как Зульфикар Али Бхутто. Принятая в 1973 г. и действующая до настоящего времени Конституция провозглашает ислам государственной религией, допускает руководство страной лишь представителями этой религии, обязывает государство помогать мусульманам в отправлении культа и углублении своих религиозных знаний. Среди немалого числа исламских положений Основного закона значится и международно-политическая задача укрепления «братских» отношений с другими мусульманскими странами [см.: 9, art. 40].

Крупной вехой на пути утверждения исламской идентичности «нового» Пакистана стало проведение в 1974 г. исламского саммита, второго после конференции мусульманских лидеров в Марокко в 1969 г. Он укрепил появившуюся незадолго до этого Организацию Исламской конференции (ОИК). Под давлением ортодоксальных кругов в Пакистане начались преобразования происламского толка. Секта ахмадие, основатель которой отказался от принципа конечности цепи пророков (*кхатм ал-анбийя*), по принятому в 1974 г. закону была провозглашена неисламской. В условиях политического кризиса 1977 г. З.А. Бхутто ввел ряд других мер — запрет на азартные игры, продажу алкоголя и т.п.

От идеологического государства к расхитительскому

Завершил процесс превращения Пакистана в исламское по господствующей идеологии государство генерал Зия уль-Хак совершивший в июле 1977 г. государственный переворот. Исламизация стала главным способом легитимизации его власти. Казнив весьма популярного З.А. Бхутто в апреле 1979 г., Зия уль-Хак осенью того же года пошел на демонтаж парламентской системы правления — отказался от проведения выборов, запретил партии, ввел ограничения на политическую деятельность. В начале 1980-х гг. были введены исламские налоги (*закат* и *ушр*), запрещено взимание процента (*риба*), госчиновникам отведены места для обязательных молитв, в колледжах и университетах введено изучение «исламских наук». Образованные в рамках судебной системы шариатские суды начали применять традиционные исламские наказания, например публичные бичевания, в том числе по обвинению в прелюбодеянии. Права женщин игнорировались, и гендерная проблема стала зияющей раной [21, p. 146—150].

Расправа с противниками режима, «брутализация» политики под флагом ислама трансформировали государство не только в идеологическое, но и в тотально-репрессивное. Однако полной

тоталитаризации власти препятствовала экономическая зависимость от Запада, встроенность в международную систему на правах подчиненного игрока. Поддержав диктатора в интересах борьбы с «мировым коммунизмом» в соседнем Афганистане, Запад в лице США заставил руководство Пакистана смягчить формы подавления политической оппозиции. После значительного срока, проведенного в тюрьме, на свободу была отпущена и выехала за рубеж дочь З.А. Бхутто Беназир, фактически возглавившая после смерти отца созданную им в 1967 г. Пакистанскую народную партию (ПНП).

«Исламизация сверху» кардинально изменила культуру и государства, и общества, уничтожив в последнем остатки синкретизма (сочетание традиций, влияние индуизма, часто не вполне осознаваемое, на бытовом уровне) [18, р. 175—189]. И хотя военные, в конечном счете, отказались от опоры на происламские партии (которым в 1978—1979 гг. предоставляли места в правительстве), в основе их действий лежала идеологическая программа религиозно-ортодоксальных сил. В результате отсылающая к фундаментальным религиозным принципам теория известного богослова А.А. Маудуди, практика основанного им «Исламского общества» («Джамаат-и ислами») и ряда других организаций, примыкающих к деобандской школе ортодоксального суннизма, потеснила позиции так называемого народного, низового ислама, а также влиятельных суфийских орденов.

Исламские реформы Зия уль-Хака привели также к серьезному обострению противоречий между суннитским большинством и шиитами (примерно 20% мусульман, составляющих 96% населения). По числу шиитов Пакистан уступает лишь Ирану, где тогда же происходил похожий «исламский ренессанс». Вдохновленные иранским примером, пакистанские шииты выступили против суннитских нововведений военных властей. В стране возникли оппозиционные шиитские партии и организации, прошли массовые манифестации протеста [30].

С середины 1980-х гг. участились случаи кровавых столкновений представителей суннитских и шиитских молодежных организаций, которые становились все более «боевыми». Этому в большой степени способствовала война в Афганистане, развернувшаяся по другую сторону от северо-западной пакистанской границы. Более доступным и дешевым благодаря этому стало стрелковое оружие, прежде всего автоматы Калашникова советского и китайского производства и их пакистанские имитации, изготовленные кустарным способом в зоне пуштунских племен [4].

Афганская война способствовала превращению Пакистана из исламского идеологического государства в расхитительское, или

хищническое (predatory)². Лагерь афганских беженцев (главным образом пуштунов), образовавшийся в Пакистане, в Белуджистане и Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП)³, а также на Территории племен федерального управления (ТПФУ), обустроивались в основном за счет международной гуманитарной помощи, которая в значительной мере расхищалась чиновниками пакистанского госаппарата. Подобным образом дело обстояло и с поставками военных грузов.

Оседавшие в карманах чиновников средства направлялись на цели, так или иначе связанные со «священной войной» (*джихадом*), — создание сети религиозных школ и семинарий, строительство новых мечетей, религиозно-благотворительных фондов и т.п. Незаконные средства наращивались за счет наркоторговли, контрабанды оружия и товаров широкого потребления, а также скрытых от налогообложения строительно-подрядных работ. В зоне племен «расцвели» рыночные центры (Бара, Ландикотал и др.), где продавали ввозимые в Пакистан беспошлинно, под видом реэкспорта в Афганистан, товары длительного пользования. Метастазы подпольной криминогенной экономики захватили крупнейший город-порт страны Карачи и главные торгово-транспортные пункты, ведущие от него в Кветту (столицу Белуджистана), Лахор (Пенджаб) и Пешавар (СЗПП). Контроль над незаконной торговлей, а также перевозкой обычных грузов, в том числе военных, перешел по большей части в руки пуштунской и афганской мафии [см.: 10].

По свидетельству ряда журналистов-расследователей, «черная» (противозаконная) и «серая» (скрытая от налогообложения) экономическая деятельность разрослась многократно, ее обороты по стоимости и в то время, и позднее приближались к половине официального ВВП. Идеологическое государство оказалось во власти коррупции, которая проникла в его поры и разлагающе действовала на качество управления.

Смена военного правления после гибели Зия уль-Хака в авиакатастрофе в 1988 г. (она была, по всей видимости, результатом диверсии) на гражданское, формально демократическое, не затормозила процесс разложения государства и превращения его в военно-расхищательское. Участие Пакистана в междоусобной аф-

² Согласно концепции американского историка Ч. Тилли, государства в Европе в начале Нового времени создавались и укреплялись в условиях постоянных войн и насилия; они поступали как хищники, пользовавшиеся правами узаконенного насилия для чистого рэкета — деньги в обмен на безопасность [см.: 31]. Это понятие в последнее время применяется и в отношении ряда современных государств, в том числе Пакистана [29, p. 3, et.al].

³ В соответствии с принятой в апреле 2010 г. 18-й поправкой к Конституции эта провинция переименована в Хайбер-Пахтунхва (Хайберско-пуштунскую).

ганской войне продолжалось, но после вывода советских войск в 1989 г. внимание его руководства привлекло положение в индийском штате Джамму и Кашмир, где в начале 1990 г. вспыхнул мятеж, достаточно жестко подавленный властями. Острое противостояние в Кашмире затянулось и привело к десяткам тысяч жертв [см.: 2]. Пакистан вел там, по существу, непрямую (через агентов) войну вплоть до 2003 г. При этом не прекращалась вовлеченность пакистанских структур и в афганские дела — они сыграли активную роль в создании первых отрядов *талибов*, молодых афганцев, учащихся религиозных школ в лагерях беженцев [12]. В дальнейшем, особенно после захвата в 1996 г. Кабула бойцами афганского движения «Талибан» (ряды которых пополнили опытные *муджахеды*, участники войны 1979—1989 гг.), произошло некоторое охлаждение отношений между ними и их пакистанскими покровителями. Пакистан не получил больших выгод. Новая власть отказалась признать в качестве официальной фактическую границу между двумя государствами, проходящую по так называемой линии Дюранда. Более того, в лице талибского Афганистана Пакистан получил беспокойного соседа, источник угрозы для своих северо-западных районов [17, р. 30—31]. Столь же разочарованным был и Вашингтон, в первое время содействовавший талибам в надежде на нормализацию обстановки в случае их прихода к власти и осуществление проектов по транспортировке нефти через афганскую территорию [12, р. 90—91, 97—100].

После 1996 г. главное значение для талибов приобрело их взаимодействие с арабской по составу экстремистской организацией «Аль-Каида». Перебравшийся в Афганистан из Судана ее лидер Усама бен Ладен организовал лагеря подготовки бойцов-джихадистов в зоне афгано-пакистанского пограничья (прежде всего в горном массиве Тора-Бора), где в феврале 1998 г. объявил о создании антизападного фронта подпольной борьбы. Первым ее результатом стали взрывы у зданий американских посольств в Восточной Африке летом 1998 г., а ответом — бомбовые атаки дальней авиации США на лагеря «Аль-Каиды» в Афганистане.

Атаки с воздуха не принесли того результата, на который были рассчитаны: ни бен Ладен, ни другие руководители международной джихадистской организации не пострадали, лишь некоторое число боевиков, в том числе пакистанцев, были убиты и ранены. Между тем опасность, исходившая от «Аль-Каиды», не была мифической. По некоторым сведениям, в ее лагерях подготовки диверсантов за 1996—2001 гг. прошли обучение около 30 тыс. человек со всех концов света [28, р. 32; 25, р. 16].

Тайные действия пакистанских спецслужб в Кашмире и Афганистане способствовали укоренению в стране исламистской ин-

фраструктуры, которая, в свою очередь, усиливала этно- и религиозно-политические трения и коллизии, служила питательной средой для nepотизма и коррупции, разбоя, вымогательств и других проявлений криминальной субкультуры. Крупнейший город Пакистана, Карачи, на долгие годы превратился в арену вооруженной борьбы. Между 1994 и 2001 г. там было убито около 4 тыс. человек. Крайне неблагоприятной оставалась ситуация и в провинции Пенджаб, где только в 1997 г. погибли более 200 человек, главным образом из-за суннитско-шиитских столкновений [13, p. 54].

Приход к власти военных во главе с генералом Первезом Мушаррафом в результате переворота в октябре 1999 г. помог немного остудить пыл борьбы. Террористические атаки на США 11 сентября 2001 г., спланированные руководством «Аль-Каиды» из Афганистана, поставили Исламабад перед выбором. После недолгих колебаний П. Мушарраф разорвал отношения с Кабулом и поддержал действия антиталибской коалиции (США, Англии и афганского Северного Альянса), которые неожиданно быстро, за два с небольшим месяца, привели к разгрому основных сил талибов и смене центральной власти в Афганистане.

В короткий период времени после кризиса в пакистано-индийских отношениях, связанного с нападением террористов на здание парламента в Нью-Дели 13 декабря 2001 г., и его смягчения благодаря запрету на исламистские партии и организации, введенного вслед за речью главы пакистанского государства 12 января следующего года, складывалось впечатление, что в Пакистане всерьез намерены бороться с угрозами религиозного экстремизма. Однако уже к марту—апрелю иллюзии рассеялись — арестованные и посаженные под домашний арест лидеры исламистских организаций были выпущены на свободу, им дали возможность реорганизоваться. Референдум по вопросу о продлении полномочий П. Мушаррафа в качестве президента сроком на пять лет, организованный в апреле, показал, что генерал мало отличается от предшественников во власти и идет на повторение их ходов [25, p. 147, 150—151].

Грубая подтасовка результатов референдума, принятие в августе Указа о рамках законности, в соответствии с которым П. Мушарраф наделил себя правом на пятилетнее президентство, и проведение выборов в парламент в октябре 2002 г. были отмечены печатью цинизма и безразличия к общественному мнению. Более того, армия и военная разведка помогли проилямскому «Объединенному фронту действия» («Муттахида маджлис-е амал») получить почти 20% мест в федеральном парламенте. В СЗПП Фронт набрал большинство и сформировал правительство, а в соседнем Белуджистане его представители фактически возглавили коалиционный кабинет.

При «легальных исламистах», находившихся у власти в двух провинциях до 2007 г., экономика запада и северо-запада страны пришла в упадок, произошло усиление организованной преступности, контрабанды, торговли наркотиками.

Большую долю ответственности за «нисхождение в хаос» всего афгано-пакистанского ареала несут американцы. Их действия в Афганистане после победы над талибами многие обозреватели и аналитики рассматривают как цепь крупных просчетов и ошибок. Министерство обороны США и ЦРУ не оказали достаточной помощи центральному правительству в Кабуле, а решили опереться на полевых командиров (военных лордов) [25, р. 125—144].

Кроме того, американцам не удалось предотвратить перемещение талибов в Пакистан, где они расположились на юге пуштунского пояса, в северо-западных округах провинции Белуджистан (Кветте, Пишине, Зхобе и Лоралаи). Одновременно в более высокогорную часть этой территории бежали из Афганистана «алькаидовцы». Затаившись там, они дожидались момента для новых действий [17, р. 120—122].

Такой момент настал после начавшегося в марте 2003 г. вторжения войск США и Англии в Ирак. Не закончив одну войну, западная коалиция вступила в другую. Вскоре стало очевидно, что американских сил не хватает на ведение двух войн одновременно. Погрязнув в Ираке, США передоверили сохранение порядка в Афганистане НАТО, под руководство которого с 2003 г. перешли созданные годом ранее Международные силы содействия безопасности.

Для Пакистана все это сопровождалось «перетеканием» военных действий на его территорию и прямым участием в объявленной США «войне с террором». Экстремисты попытались нащупать слабое место в противостоящих им силах и в качестве мишени выбрали главу Пакистана, совершив в декабре 2003 г. с интервалом в 15 дней два покушения на П. Мушаррафа [25, р. 230—233].

Эти теракты не достигли главной цели, но определенный эффект все же возымели. Не исключено, что П. Мушарраф пошел на удовлетворение некоторых требований исламистски настроенных военных кругов. Весной 2004 г. началось, но вскоре закончилось провалом наступление армии на позиции пакистанских талибов в горах ТПФУ (в политических агентствах Южный и Северный Вазиристан). Столь же неудачными были меры, предпринятые военными властями против талибов и в дальнейшем [17, р. 148, 153].

С 2003 г. в Южной Азии сформировалось шаткое равновесие, которым Исламабад воспользовался для наведения мостов с Индией и США. В отношениях с Дели Пакистан вступил в «комплексный диалог», который вел в наступательном стиле, а от Вашингтона получил значительные средства в счет погашения расходов на ве-

дение войны с террором, т.е. для поддержания разросшихся до непосильного для страны предела вооруженных сил (в 2003 г. военные заказали себе оружие на 3,8 млрд долл., а в 2006 г. — на 6 млрд долл.) [25, р. 233].

В октябре 2005 г. контролируемая Пакистаном самопровозглашенная республика Азад Кашмир («свободный Кашмир»), где располагалась основная масса беженцев-кашмирцев из Индии, оказалась в эпицентре сильнейшего землетрясения. Международная гуманитарная помощь, в том числе от США и других западных стран, была в значительной мере разворована, а частично попала в карманы экстремистам. Кроме того, и сами они смогли оперативно отреагировать на чрезвычайную ситуацию, приняли участие в спасательных работах и реабилитации пострадавших, заработав тем самым немало очков в пропагандистско-репутационной войне [19, р. 438].

Трудно рассчитать, какое именно воздействие оказали последствия землетрясения на боеспособность экстремистов, но уже весной 2006 г. афганские талибы, используя Пакистан как свой тыл, перешли в наступление и нанесли ряд серьезных поражений коалиционным силам в южных провинциях Афганистана, главным образом в Кандагаре, Гильменде и Урузгане [25, р. 359—362].

В Пакистане же обстановка в 2003—2006 гг. оставалась внешне спокойной и характеризовалась неплохими макроэкономическими показателями, но за фасадом благополучия скрывалось разложение военно-бюрократических, клерикальных и парламентских структур. При этом наблюдалось ужесточение мер по подавлению оппозиции, преследование отдельных ее представителей. В тюрьме оказались в тот период видные деятели ПНП, в том числе нынешний премьер-министр Юсуф Раза Гилани, а также Пакистанской мусульманской лиги (ПМЛ) — партии Наваза Шарифа, бывшего премьер-министра, свергнутого П. Мушаррафом. Лидер ее парламентской фракции, бывший спикер Дж. Хашми был осужден на 17 лет (!) заключения по обвинению в заговоре против военных.

С 2006 г. кривая жертв насилия в стране круто пошла вверх — число погибших в результате террористических действий увеличилось в том году втрое — до 1500, в 2007 г. — до 3600, а в 2008 — почти до 8000. Согласно официальным данным, в 2005—2007 гг. было зарегистрировано около 60 тыс. нарушений прав человека [23].

С начала 2007 г. стало ясно, что наступает кризис. Генерал П. Мушарраф, обеспокоенный проблемой сохранения власти (летом истекал срок его пребывания на посту президента, а в октябре должны были состояться очередные парламентские выборы), стремился не испортить отношения с исламистами. Видимо, поэтому власти оставили без ответа произошедший в январе захват экстре-

мистами Красной мечети — религиозно-учебного комплекса в самом центре Исламабада.

Понимая, что вопрос о президентстве во многом зависит от позиции верховного суда, П. Мушарраф решил предпринять упреждающие шаги и в начале марта отправил в отставку главного судью, председателя верховного суда Ифтихара Чаудхри. Этот шаг вызвал гнев и осуждение, помог сплотить политическую оппозицию. В первых рядах протестующих оказались представители судейско-адвокатской профессии. И. Чаудхри проявил характер и не согласился с решением президента. Отказываясь от выдвижения политических требований, он, по сути, начал кампанию гражданского неповиновения. Его приезд в Карачи в мае 2007 г. привел к столкновениям между его сторонниками и полицией и жертвам среди манифестантов.

Между тем заседавшие в Красной мечети религиозные экстремисты устроили ряд провокаций и заставили П. Мушаррафа в июле пойти на ее штурм. Плохо проведенная военная акция в центре столицы, в результате которой погибли более 100 человек, вызвала широкое недовольство и ответные действия исламистов — северо-запад страны и крупнейшие города в центре Пакистана подверглись террористическим атакам.

В августе 2007 г. П. Мушарраф восстановил И. Чаудхри в правах главного судьи, после чего организовал, используя коррумпированность и оппортунизм парламентской оппозиции, выборы себя на должность президента, но натолкнулся на сопротивление судей. Они затягивали рассмотрение вопроса о легитимности избрания президентом человека, не расставшегося с главным военным постом начальника штаба армии.

Ослабление позиций П. Мушаррафа и недостаточная эффективность его политики привели к поиску альтернативных решений. По инициативе США между ним и находившейся длительное время в вынужденной эмиграции Беназир Бхутто было заключено соглашение, позволившее ей вернуться в страну, не боясь судебного преследования по делам о коррупции и превышении власти в период ее нахождения на посту премьер-министра в 1988—1990 и 1993—1996 гг. Прибытие Беназир в Карачи 18 октября едва не обернулось ее гибелью в результате крупнейшего в истории страны теракта, приведшего к смерти 180 человек. Неспособность властей предотвратить покушение нанесла удар по их престижу и обострила ситуацию [8, р. 11—12].

Политическая интрига при участии внешних сил (США и Саудовской Аравии) развивалась далее ускоренными темпами. 3 ноября П. Мушарраф ввел чрезвычайное положение, чтобы лишить главного судью и его сторонников возможности влиять на ситуацию.

Новый состав верховного суда привел генерала к присяге в качестве президента, после чего он сложил с себя полномочия военного руководителя, отменил чрезвычайное положение и провел выборы в парламент, достаточно честные и свободные.

Впрочем, между этими событиями пролегло еще одно — второе покушение на жизнь Беназир Бхутто 27 декабря 2007 г., которое оказалось роковым. Ее гибель вызвала трехдневный паралич власти, что привело к большим материальным разрушениям и жертвам среди населения. На выборах в феврале 2008 г. победила ПНП во главе с мужем покойной Беназир Асифом Али Зардари, на второе место вышла ПМЛ, победившая к тому же в провинции Пенджаб. В сентябре вместо вынужденного уйти в отставку П. Мушаррафа на пост президента избрали А. Зардари.

Гражданский президент, однако, очень быстро растерял почти весь свой политический багаж. Он оказался неуживчивым политиком, пошел на обострение отношений с набиравшим вес Н. Шарифом, а затягивание с восстановлением в должности дважды до того отставленного судьи И. Чаудхри едва не привело к массовым беспорядкам в марте 2009 г. Под угрозой прямых действий со стороны активно поддерживавших судью политических сил и почти всего судебно-адвокатского корпуса А. Зардари пришлось уступить. Но восстановленный судья не успокоился и в конце 2009 г. добился отмены указа о национальном примирении, принятого в сентябре 2007 г. в результате упомянутой выше договоренности между П. Мушаррафом и Б. Бхутто. Этим поставлена под вопрос чистота перед законом президента и многих политиков из его партии.

Итак, борьба в высших властных структурах не закончилась, а ситуация для низов общества и средних его слоев ухудшилась. Рост инфляции в 2009 г., по официальным данным, превысил 10% (по неофициальным — был вдвое выше) при очень медленном росте экономики (2%) [22]. Особое возмущение вызвал резкий подъем цен на сахар. Продолжались перебои со снабжением городов электроэнергией, росла безработица. Только благоприятные погодные условия и денежные переводы от пакистанцев, работающих за границей, помогли спасти экономику от провала.

В сфере безопасности, однако, в 2009 г. ситуация еще более обострилась. С мая по июль крупные подразделения пакистанской армии вели бои против талибов в Свате (СЗПП), а с октября по ноябрь — в полосе племен, главным образом в Южном Вазиристане. В обоих случаях войскам сопутствовал успех. Пакистанские талибы, скрывающиеся на территории Пакистана члены «Аль-Каиды», Исламского движения Узбекистана и других экстремистских организаций понесли серьезные потери. В ответ они усилили террористические атаки против военнослужащих, полицейских и мирных

жителей, главным образом в северо-западном регионе. Жизнь там оказалась во многом парализована, люди стали бояться покидать свои дома, сотни тысяч человек уехали из родных мест из-за опасений попасть под перекрестный огонь. Проблема внутренних мигрантов стала острой для пакистанского правительства, которое вынуждено решать ее с помощью ООН и других международных организаций.

С начала 2010 г. ситуация в Пакистане несколько улучшилась. Продолжилось успешное развитие военных операций пакистанской армии против экстремистов на северо-западе страны. Вооруженным силам удалось подавить очаги сопротивления и оттеснить боевиков в самые труднодоступные горные районы. Действия пакистанского политического и военного руководства получили одобрение официальных лиц и военных кругов США и НАТО. Не прекращались и весьма эффективные удары ракетами с американских беспилотных самолетов по горным базам пакистанских талибов и международных исламистских организаций.

Одобрение антитеррористической деятельности Пакистана сопровождалось предоставлением ему значительной экономической помощи. Только США выделяли на эти цели по 1,5 млрд долл. в год в течение пяти лет. Международная поддержка способствовала известной стабилизации внутреннего финансово-экономического положения, но перебои со снабжением городов электроэнергией продолжались и вызвали весной 2010 г. массовое негодование и уличные протесты.

В апреле парламент практически единодушно одобрил 18-ю поправку к Конституции, положившую конец существованию сильной президентской власти. А. Зардари подписал закон, лишивший его права по собственному усмотрению отправлять правительство в отставку и назначать новые парламентские выборы. Полноценным главой исполнительной власти стал премьер-министр, чье правительство опирается на вотум доверия нижней палаты парламента, избираемой прямым, тайным и всеобщим голосованием. Страна вернулась в основном к первоначальному варианту конституционного устройства, утвержденному в 1973 г. Нынешний президент проиграл как глава государства, но выиграл как руководитель ПНП, возглавляющей коалиционное правительство. Произошедшие перемены в целом положительно оценены внутри страны и за рубежом, но говорить о разрешении всех политических проблем и коллизий преждевременно. Система еще далеко не устоялась, в оппозиции к конституционной реформе из-за ряда ее особенностей находится судебная власть, не сказала своего последнего слова и армия.

Итак, пакистанское государство, пережившее за более чем шесть десятилетий сложную эволюцию, так и не обрело стабильности, не избавилось от пороков расхитительства и гипервоенизированнойности. Общество представляется более зрелым и жизнеспособным. Между Пакистаном и Афганистаном, как отмечено в начале статьи, нельзя ставить знак равенства. В Пакистане сложилась достаточно развитая экономика, сформировались как средний класс, так и хорошо образованная элита. Гражданское общество, вместе с тем, глубоко расколото по нескольким линиям — идеологической, конфессиональной, этнорегиональной и корпоративной.

В идеологическом плане водораздел пролегает между сторонниками светского, либерального и умеренно прозападного пути и приверженцами исламистского, консервативного и жестко антизападного направления. Это противостояние разрывает страну социально и пространственно. Сторонников радикально-консервативного пути существенно больше на западе и северо-западе страны, ближе к Афганистану и Ирану. Но и там, в том числе в пуштунской по преимуществу провинции Хайбер-Пахтунхва, весьма сильны позиции светской идеологии, основанной на сочетании имеющего давние традиции левого популизма и пуштунского национализма. На эту идеологию опирается Народная (*авами*) национальная партия (ННП), уверенно победившая на последних выборах 2008 г.

Сложный синтез современного и традиционного проявляется в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. Наиболее существенными представляются сегодня накопившиеся претензии и текущие противоречия между такими региональными общностями, как пенджабская и синдская, и такими конфессиональными, как суннитская и шиитская. В первом случае речь идет как об этнической самоидентификации, так и о региональной, связанной с осознанием общности интересов по принадлежности к двум крупнейшим провинциям — Пенджабу и Синду. В последней численно преобладают синдхи и переселенцы из Индии после раздела 1947 г. Острые когда-то трения между ними в последнее время притупились. Вместе с тем в провинции Пенджаб усиливается разделение на северные области и южные, примыкающие к Синду и Белуджистану [22, р. 2; 27].

Весьма важен для современного Пакистана разрыв между военной и гражданской (прежде всего судебной) институционально-профессиональными корпорациями. Армия составляет костяк истеблишмента, т.е. подлинного основания государства как института, принимающего решения в критической ситуации. Она кон-

тролирует тайные пружины власти, имея прочные социальные связи с элитными семьями и кланами. Военные в Пакистане имеют не только свои сугубо профессиональные, но и экономические интересы. За последние десятилетия военная корпорация обзавелась инвестиционными фондами, банками и страховыми компаниями, превратившись в одну из мощнейших финансово-промышленных групп, определяющих лицо олигархической системы пакистанского крупного капитала [29].

Судебная корпорация намного слабее, но на ее стороне связи с публичными политиками и представителями влиятельных в Пакистане средств массовой информации. Существенным плюсом служит опора на международные неправительственные организации. Адвокатско-судебная корпорация заинтересована в соблюдении духа и буквы закона, с ее деятельностью связывают надежды на эффективно функционирующую демократическую систему. Эта часть общества, естественно, не идеальна и не свободна от разлагающего влияния угроз и посулов, но она в большей мере, чем военные, выражает интересы среднего класса, более нетерпима к коррупции и разложению верхов.

Противостояние военной и гражданской институциональных корпораций [см.: 14] в определенной мере отражает борьбу раздутого милитаризованного государства против фрагментированного общества и сопрягается с разногласиями по поводу вопросов войны и мира с Индией, отношения к Западу, к радикальным религиозно-политическим силам.

Результат противостояния по всем отмеченным линиям при сложном их сочетании и переплетении определит, сможет ли пакистанское государство эволюционировать от идеологического к функциональному, обеспечивающему здоровое развитие общества.

В случае неудачи Пакистан может превратиться в эпицентр религиозного экстремизма, в Исламский эмират, который охотно предоставит возможность выйти из укрытия бен Ладену и его соратникам [26, р.13]. В распоряжении экстремистов при этом окажется ракетно-ядерное оружие. Зная бесстрашие и фанатизм этих людей, нетрудно представить себе угрозы, которые несет в себе такая перспектива.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* История Пакистана. XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2008.
2. *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л.* Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения, 2003.
3. *Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н.* Три конституции Пакистана. М.: Наука, 1975.

4. *Пахомов Е.* Зона племен // Итоги. № 19/205. 9 мая 2000 г. С. 40—41.
5. *Плешов О.В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2003.
6. *Ahmed A.S.* Jinnah, Pakistan and Islamic Identity. L.: Routledge, 2000.
7. *Althusser L.* Ideology and Ideological State Apparatuses // Mapping Ideology / Ed. by S. Jijek. L.: Verso, 1994.
8. *Bhutto B.* Reconciliation. Islam, Democracy, and the West. N.Y.: Harper-Collins, 2008.
9. The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan. Karachi: Gazetteer of Pakistan. Government Press, 1973.
10. *Duncan E.* Breaking the Curfew. A Political Journey through Pakistan. L.: Michael Joseph, 1989.
11. The Final Settlement. Restructuring India—Pakistan Relations // Fire, Water, Earth. Mumbai: International Center for Peace Initiatives, 2005.
12. Fundamentalism Reborn? Afghanistan and the Taliban / Ed. by W. Maley. Lahore: Vanguard Books, 1998.
13. The Future of Pakistan. Mumbai: International Center for Peace Initiatives, 2002.
14. *Grare F.* Reforming the Intelligence Agencies in Pakistan's Transitional Democracy. Washington: Carnegie, 2009.
15. *Haqqani H.* Pakistan between Mosque and Military. Washington: Carnegie, 2005.
16. *Haqqani H.* Dysfunction of an Ideological State. Pakistan's Recurrent Crises in Historic Context. Note de Recherche 20. October 2006 [Electronic resource] // Centre d'études sur la paix et la sécurité internationale (Center for Peace and Security Studies), Université de Montréal — McGill University [Official website]. System requirements: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.cepsi.umontreal.ca/uploads/gersi_publications.filename/CIPSS_Working-Paper_20.pdf (дата обращения: 18.01.2010).
17. *Hussain Z.* Frontline Pakistan. The Struggle with Militant Islam. N.Y.: Columbia University Press, 2007.
18. *Kurin R.* Islamization in Pakistan: The Sayyid and the Dancer // Russia's Muslim Frontiers. New Directions in Cross-Cultural Analysis / Ed. by D. Eickelman. Bloomington: Indiana University Press, 1993.
19. *Levy A., Scott-Clark C.* Deception. Pakistan, the United States, and the Global Nuclear Weapons Conspiracy. New Delhi: Penguin Books India, 2007.
20. The Little Green Data Book. 2004. The World Bank. Washington, 2004.
21. *Malik I.H.* State and Civil Society in Pakistan. Oxford: St. Anthony's, 1997.
22. Pakistan. Economic Update September 2009. The World Bank [Electronic resource] // The World Bank [Official website]. System requirements: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://siteresources.worldbank.org/PAKISTAN-EXTN/Resources/293051-1241610364594/PakistanEconomicUpdateOctober2009.pdf> (дата обращения: 18.01.2010).
23. Pakistan Assessment 2010. New Delhi: Institute for Conflict Management Database [Electronic resource] // South Asia Terrorism Portal [Web Portal]. URL: <http://www.satp.org/satporgrp/countries/pakistan/> (дата обращения: 15.01.2010).

24. *Rahman T.* Language Policy and Localization in Pakistan: Proposal for a Paradigmatic Shift, 2004 [Electronic resource] // Evaluations and Language resources Distribution Agency [Official website]. System requirements: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://www.elda.org/en/proj/scalla/SCALLA2004/rahman.pdf>. (дата обращения: 11.01.2010).
25. *Rashid A.* Descent into Chaos. The U.S. and the Disaster in Pakistan, Afghanistan and the Central Asia. N.Y: Penguin Books, 2009.
26. *Riedel B.* Armageddon in Islamabad // The National Interest. July—August 2009. N. 102. P. 9—18.
27. *Saigol R.* Ethnicisation of Politics. Opinion // Dawn, 5 May 2008.
28. *Sial S.* Taliban on the March: Threat Assessment and Security Implications for the Region // Conflict and Peace Studies. Pak Institute for Peace Studies. Vol. 2. N. 3. P. 27—42.
29. *Siddiq A.* Military Inc. Inside Pakistan's Military Economy. Karachi, Oxford University Press, 2007.
30. *Syed A.H.* The Sunni-Shia Conflict in Pakistan // Pakistan. Founder's Aspirations and Today's Realities / Ed. by I.H. Malik. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 244—262.
31. *Tilly Ch.* Coercion, Capital and European States. Oxford: Blackwell, 1992.
32. *Wolpert S.* Jinnah of Pakistan. Delhi: Oxford University Press, 1989.